

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
RUSSIAN-CHINESE RELATIONS**

Научная статья / Research article

**Эволюция термина «стабильность» в международных отношениях:
типы, модели и перспективы трансформации**

Т. Н. Букреева

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7010-4591>; e-mail: bukreeva@gmail.com

Аннотация. В историческом аспекте в теории международных отношений по состоянию взаимоотношений между субъектами мировой политики были выделены типы стабильности и определены статическая и динамическая модели стабильности мировой системы. В данной работе автор сопоставляет модели стабильности в привязке к состоянию мировой системы, ее конфигурации, отношению к межгосударственным противоречиям, реакции на событийность на международной арене, дает основные характеристики моделей и приводит примеры взаимоотношений государств в рамках доминирующего типа стабильности. Разные государства могут выступать гарантами обеспечения определенного типа стабильности или сдерживающей силой при попытках мировых лидеров установить гегемонию. В этой связи автор рассматривает место России и Китая в поддержании стабильности на глобальном уровне и делает вывод о том, что военный потенциал и опыт России и научно-технологические достижения Китая являются факторами, сдерживающими гегемонизм США в глобальном масштабе. В современных условиях военной конфронтации на Украине и нестабильности в Европе Россия играет роль актора, перетягивающего на себя внимание крупных держав, и «регулятора» стабильности в Евразии, что тормозит полномасштабное противостояние США и Китая. Учитывая тенденцию переустройства мировой системы, динамизм в качестве ключевого свойства состояния международной стабильности и потребность в долгосрочном прогнозировании международных процессов, автор видит необходимость переосмыслить понятие стабильность в аспекте определения ее параметров, отношений между крупнейшими акторами международных отношений и глобальных изменений во всех сферах жизнедеятельности человека. Это позволит лицам, принимающим внешнеполитические решения, иметь объективную картину мира, тенденций его развития и возможностей трансформации, что поможет избежать ошибок во внешней политике.

Ключевые слова: стабильность, типы стабильности, модели стабильности, конфронтация, международные отношения, статическая стабильность, динамическая стабильность, Россия, Китай.

Для цитирования: Букреева Т.Н. Эволюция термина «стабильность» в международных отношениях: типы, модели и перспективы трансформации // Постсоветские исследования. 2023;6(6):704-715.

The Evolution of the Term ‘Stability’ in International Relations: Types, Models and Perspectives of Transformation

Tatiana N. Bukreeva

Southwest State University, Kursk, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7010-4591>; e-mail: bukreeva@gmail.com

Abstract. In historical perspective, according to the relationship between the actors of world politics, the international relations theory has identified types of stability and specified static and dynamic stability models. In the article, the author has compared stability models in relation to the current state of the world system, its shape, attitude to interstate contradictions, and reaction to

global affairs, gives the characteristics of the models and introduces the examples of interstate relations within the dominant type of stability. States can act as guarantors of a certain type of stability or as a deterrent for hegemonic leadership. In this regard, the author has reviewed the place of Russia and China in maintaining global stability and concluded that Russia's military experience and China's technological achievements are the constraints on American hegemony. In the conditions of military confrontation in Ukraine and instability in Europe, Russia focuses major powers' attention on itself, thereby acts as a 'stability regulator' in Eurasia, which slows down the US-China confrontation. Taking into account the trend of reorganization of the world system, dynamism as a key feature of international stability and the need for long-term forecasting of international processes, the author has noticed the necessity to rethink the stability concept in terms of determining its parameters, relations between the largest international actors and global changes in all spheres of human life. This will allow foreign policy decision-makers to have a true picture of the world, its development trends and transformation, and as a result to avoid foreign policy failures.

Keywords: stability, types of stability, models of stability, confrontation, international relations, static stability, dynamic stability, Russia, China.

For citation: Tatiana N. Bukreeva. The Evolution of the Term 'Stability' in International Relations: Types, Models and Perspectives of Transformation // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):704-715. (In Russ.).

Введение. В научной среде, тем более в практике международных отношений, начиная с 20 века все активнее используется термин стабильность в различных его конфигурациях: гегемоническая стабильность, конфронтационная стабильность, стратегическая стабильность и т.д. В практической деятельности понятие стабильность трактуется довольно широко, а сущностные особенности термина, порой, известны только декларирующим субъектам или представителям академических кругов. В документах ООН имеются весьма расплывчатые формулировки, что также не позволяет прояснить ситуацию¹. К тому же, динамика международной обстановки, начиная с 1991 г., стремительно менялась, причем кардинально, что по субъективным (например, инерционность мышления) и объективным (например, сложность прогнозирования – вероятность и горизонт) причинам не позволило подготовить терминологический аппарат на относительно длинные периоды в будущем. В связи с этим в работе поставлена цель

проследить эволюцию понятия «стабильность» в аспекте типов и моделей стабильности, а также предложить перспективы развития терминологического аппарата.

Для достижения поставленной цели были предприняты попытки решить следующие задачи: проанализировать эволюцию понятия стабильность, представить типы и модели стабильности в контексте международных событий, рассмотреть взгляды исследователей на развитие мировой системы, сделать вывод об актуальности понятийного аппарата, принимая во внимание векторы возможных трансформаций мира.

Эволюция термина «стабильность» на рубеже XX-XXI веков.

В историческом аспекте исследователями теории международных отношений по типу взаимоотношений между субъектами мировой политики были выделены несколько типов стабильности, каждый из которых преобладал на определенном этапе развития мировой системы. Так, период после окончания Второй мировой войны и вплоть до 1962 года (Карибского кризиса) в академических кругах отождествляют с моделью конфронтационной стабильности (по Дж.Л. Гэддису (1986) трактуемой как тип

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

стабильности в основе которой лежит страх взаимного уничтожения) в условиях преобладания в мировой системе биполярности с противостоянием США и СССР. Некоторые исследователи расширяют этот период до 1991 г., когда было прекращено противостояние капиталистической и социалистической систем.

Теоретики политической экономии (Р. Кохейн (1984), Р. Гилпин (1988)) с точки зрения мировых экономических процессов, влияющих на расстановку сил на международной арене, разработали теорию гегемонической стабильности, обеспечение которой возлагается (берет на себя по собственной инициативе) на одного мирового лидера, обладающего достаточными ресурсами, капиталом, преимуществом в производстве высокоценных товаров (высокотехнологической продукции, например: полупроводниковые приборы). В качестве примера исследователи приводят период с 1945 по 1965 гг., когда США, накопив значительные финансовые, материальные и человеческие ресурсы за период Второй мировой войны, посредством создания мировой финансовой системы (в частности, в рамках Бреттон-Вудской конференции), получили существенные преимущества относительно других стран мира. СССР в этот период параллельно с наращиванием экономического потенциала устранял последствия войны на своей территории и был вынужден вступить в «ядерное» противостояние. Япония и Германия были проигравшими сторонами, на которые наложены репарации.

В дальнейшем экономические успехи США постепенно уменьшились, а с началом энергетического кризиса были оголены и значительные недостатки. При этом страны противоборствующих систем постоянно предпринимали попытки нанести ущерб оппоненту посредством втягивания в локальные военные и иные конфликты (Корейская война, войны во Вьетнаме, Афганистане, Никарагуа и т.д.). Таким образом, состояние гегемонической стабильности установилось с 1991 г., а гегемоном являлись США.

С началом специальной военной операции (СВО) России, с одной стороны, заговорили о беспрецедентной помощи США Украине как об очередной попытке с помощью союзных государств сохранить мировую гегемонию, с другой стороны, в политическом дискурсе все чаще стали оперировать понятием стратегическая стабильность, включающее в себя как общие, так и более специальные (узконаправленные) интерпретации. Можно предположить, что с точки зрения теоретических подходов к определению стабильности, стратегическую стабильность можно рассматривать как «радикальную» версию конфронтационной, поскольку в обоих случаях речь идет о столкновении акторов мировой политики с разницей в использовании смягченно-нейтральной формулировки (отход от прямой «конфронтации» к «стратегии выживания»), однако по сути предостерегающее от катастрофических последствий от использования оружия массового поражения.

В общем смысле отечественные и зарубежные исследователи рассматривают стратегическую стабильность как отсутствие стимулов первыми наносить ядерный удар. По мнению А.А. Кокошина, стабильность обеспечивается за счет создания ряда военно-технических условий (например, РВСН), сокращающих вероятность возникновения конфликтных ситуаций, влекущих за собой применение ядерного оружия, а в случае необходимости нанесения ответного ядерного удара способность преодолеть средства противоракетной обороны (ПРО) агрессора [Кокошин 2018: 15]. Таким образом, оформление понятия стратегическая стабильность связано с развитием достижений в военно-технической сфере СССР и США в 1960-х годах, что послужило переходом взаимоотношений двух стран от конфронтации до более высокого уровня противостояния с применением ядерного оружия, что нашло отражение в национальных стратегиях безопасности.

Смена типов стабильности (1945-1991 гг.) происходила в рамках одной модели – статической, характеризующейся

силовым равновесием, разделением между лидерами сфер влияния, доминированием одной конфигурации мировой системы (в нашем случае биполярности), изоляцией конфликтных ситуации (Камбоджийско-вьетнамская война 1975-1989 гг., Ирано-иракская война 1980-1988 гг. и т.п.). Однако, с процессом глобализации, технологические возможности стран выходят на новый уровень, вместе с тем увеличивается взаимозависимость государств друг от друга, появляются новые виды угроз (например, международный терроризм), проявления которых выходят далеко за пределы региона и оказывают влияние на мировое сообщество в целом. Такая трансформация мировой системы, как отмечает А.Д. Богатуров, заставляет говорить о стабильности с позиции динамики, то есть способности компенсировать угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы [Богатуров 1996: 19].

Примером движения к модели динамической стабильности служит период «перестройки» и подписания в 1987 г. М. Горбачевым и Р. Рейганом договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), когда были предприняты попытки перезагрузки отношений и перехода от конфронтации к кооперации [Богатуров 1996: 36].

С распадом СССР, упразднением ОВД и последующих событий в Югославии, с одной стороны, конфигурация мирового порядка стала трансформироваться в направлении однополярности с США в роли гегемона, с другой стороны, на политической карте появились новые государства, которые стали предпринимать шаги в поиске своего места в мировом сообществе. И если страны бывшей Югославии, в целом, ОВД, а также страны Балтии довольно быстро интегрировались в европейское пространство (несмотря на ситуацию с Косово), то государства Центральной Азии, являясь «воротами» в Восточную Азию и занимая важное геополитическое положение в регионе, стали объектами активной внешней политики целого ряда региональных и

внерегionalных лидеров. Таким образом, начало 1990-х годов отмечено активным развитием двусторонних отношений в ключе динамической модели стабильности: разногласия уравниваются взаимными выгодами, а колебания в обе стороны от негативных ситуаций к приобретениям не только не разрушают отношения, а наоборот, заставляют находить новые пути решения проблем. До 2014 г. подобный динамизм, по мнению ряда авторов, был в отношениях России и Украины.

Придерживаясь теории реализма, можно утверждать, что идеальных эталонных отношений между государствами не существует, любое государство, прежде всего, будет отстаивать свои интересы, руководствуясь вопросами обеспечения национальной безопасности. В этой связи можно с определенной долей уверенности утверждать, что модель статической стабильности (конфронтационного типа) в двусторонних отношениях устанавливается в том случае, если хотя бы одна из сторон признает другую враждебной и декларирует это на международной арене, закрепляя это законодательно. Например, занесение США Сирии, Ирана, КНДР и Кубы в список государств-спонсоров терроризма, свидетельствует о конфронтационном типе статической стабильности. Маловероятно, что в ближайшем будущем появятся «компенсирующие» механизмы, способные уравновесить различного рода потери (экономические, политические, репутационные), полученные в результате подобного внешнеполитического приговора США.

Таким образом, модель стабильности мировой системы во многом определяется доминирующими моделями двусторонних отношений ключевых акторов международных отношений. Однако и это утверждение носит относительный характер, т.к., во-первых, на международной арене формируются блоки (союзы и прочие объединения государств с различной степенью интеграции), во-вторых, с 1950-х гг. появились весьма крупные частные акторы мировой политики (ТНК и ТНБ), бюджет которых сравним с бюджетом

небольшого государства. В связи с чем возникает большое количество разновекторных и разнохарактерных связей, что усложняет многие мировые процессы и, соответственно, их интерпретацию.

В целом, особенности моделей стабильности можно представить в табличной форме с указанием характерных признаков и исторических периодов (табл. 1). Динамичность мировой системы обусловлена как естественными процессами (экологические катастрофы, проблемы с продовольствием), так и искусственными угрозами, которые являются основными. Однако если первые не всегда можно спрогнозировать, то последние по большей части могут создаваться с долгосрочной перспективой.

Разные государства могут выступать или гарантами обеспечения определенного типа стабильности, или, наоборот, сдерживающей силой при попытках мировых лидеров установить гегемонию в мировом масштабе.

Так, стимулирование развития Китая со стороны США и ряда других стран, а также поведение КНР (стремление к развитию независимой науки, техники и технологии, опора на национальные финансы), несмотря на внешние проявления (политика невмешательства) привели к росту авторитета Китая в мире, мнение которого, как говорится, звучит «все громче». Обличительный посыл китайского руководства в адрес гегемонического поведения США также становится более явным. 20 февраля 2023 г. китайское информационное агентство China News опубликовало доклад «Американская гегемония, тирания и буллинг и их опасность», обвиняющий США в злоупотреблении политической, военной, экономической, финансовой, технологической и культурной гегемонией, серьезный ущерб от которой американская сторона нанесла международной стабильности и благополучию народов всех стран¹. Данная позиция разделяется и

представителями научных кругов Китая. Основоположник теории «морального реализма» Янь Сюэтунь, говоря о политике США в отношении Китая, отмечает ее трехаспектный подход, заключающийся в осуществлении целенаправленных шагов в трех направлениях: сотрудничества (климатическая повестка, энергетика и т.п.), конкуренции (технологии, аэрокосмическая отрасль, финансы, инвестиции и т.п.) и конфронтации (повестка «права человека», Синьцзян, Тибет, Тайвань, Гонконг, спорные территории в Южно-китайском море)². Причем, по мнению китайского исследователя, именно «устранение» конкурентоспособного Китая из области высокотехнологической продукции и проектов развития искусственного интеллекта (OpenAI, 5G Alliance) является главным инструментом вытеснения оппонента, угрожающего гегемонической стабильности во главе с США, о чем также свидетельствует динамика экономических и социальных показателей.

Подтверждающим фактом можно считать список китайских научных достижений мирового уровня за 2017 год, опубликованный на официальном сайте Центрального народного правительства КНР, куда вошли следующие результаты деятельности китайских ученых и практиков в различных областях³: введение в эксплуатацию высокоскоростной поезд «Фусин» со скоростью 350 км в час, создание прототипа оптического квантового компьютера, запуск квантового спутника «Мо-цзы», полет первого китайского авиалайнера C919 и т.д. В 2020 году к этим достижениям добавился запуск китайской

² 阎学通：中美关系是这样的发展趋势？ // Sohu, 05.05.2023. URL:

https://www.sohu.com/a/673029652_119802 (на русс. Ян Сюэтунь: Это и есть тенденция развития китайско-американских отношений?)

³ 高密度发射同时保持高成功率 2021 年我国航天发射次数居世界第一 官方网站 中央人民政府 中国新闻网. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-01/19/content_5669204.htm (на русс. Увеличение количества запусков при сохранении высокого коэффициента результативности. В 2021 году по количеству космических запусков моя страна заняла первое место в мире).

¹ 美式霸权危害世界和平稳定 // Chinanews, 27.02.2023. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2023/02-27/9961265.shtml> (на русс. Американская гегемония ставит под угрозу мир и стабильность во всем мире).

автоматической межпланетной станции «Тяньвэнь» с целью проведения исследований на Марсе. В 2021 г. количество космических запусков в Китае достигло 55 раз, что выводит Китай на первое место в мире по количеству космических запусков в год. В планах Китая построить третью в мире многомодульную космическую станцию «Тяньгун».

Австралийский институт стратегической политики (ASPI) 2 марта 2023 г. опубликовал заявление, что Китай лидирует в 37 из 44 областей по разработке критических и новейших технологий, осуществляемых в рамках государственных программ. Австралийские аналитики отмечают, что очевидным становится прорыв Китая в разработке передовых авиационных двигателей и гиперзвуковых ракет, а потенциал Китая в области фотонных датчиков и квантовой связи позволит китайской разведке «уйти в тень» для наблюдения за западными коллегами, включая альянс «Пять глаз» (FVEY) Великобритании, США, Австралии, Канады и Новой Зеландии¹.

Свидетельством вышесказанному является отражение динамики расходов на НИОКР, а также их доля в ВВП. Можно отметить поступательный рост с 2016 по 2022 гг. как абсолютных, так и относительных показателей (Рис. 1).

В то же время Россия как правопреемница СССР обладает значительным ядерным потенциалом и представляет для США военную угрозу в случае прямого и безысходного конфликта. Можно сказать, что в данном случае за счет России в мировом масштабе обеспечивается стратегическая стабильность, серьезной угрозой которой также служат ежегодно растущие оборонные расходы США, далеко опережающие по этому показателю остальные страны. К примеру, согласно отчету SIPRI, в 2022 году ассигновали на оборонные нужды 877 долл., Китай – 292

млрд долл., а Россия – 86,4 млрд долл.². Из чего можно предположить, что в случае угасания военных действий и нормализации ситуации на Украине США готовятся к активным деструктивным действиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, запуская механизм открытого противостояния с Китаем в Тайваньском проливе. Таким образом, долгосрочный очаг нестабильности в Европе, выросший на почве исторических и этнических противоречий между Россией и Украиной, стал своеобразным сдерживающим фактором, тормозящим полномасштабное противостояние США по всем направлениям с Китаем.

В этой ситуации интерес представляет исследование Европейского центра прогнозов и исследований (EIU), в котором они произвели группировку стран по занимаемой ими позиции к России на фоне конфронтации с Украиной. В рамках изыскания все страны разделили на пять групп: от поддерживающих Россию до противостоящих ей. По результатам исследования Китай находится в группе стран, которые склоняются на сторону России (в графическом виде результаты исследования представлены на рисунке 2). Следует отметить, что на рисунке EIU отнес Крымский полуостров и часть территории выше него к Украине, однако по всенародному волеизъявлению эти территории вступили в состав Российской Федерации.

Таким образом, России в современных условиях играет роль актора, перетягивающего на себя внимание крупных держав, и «регулятора» стабильности в Евразии. Эксперт в области международных отношений Д. Тренин отводит России особую миссию «поддерживать многофакторное равновесие в мире», которая в настоящее время воплощается в обеспечении глобальной стратегической, геополитической, энергетической стабильности в условиях противоборства США и Китая [Тренин 2021: 89].

¹ Needham K. China leads US in global competition for key emerging technology, study says // Reuters, 02.03.2023. URL: <https://reuters.com/technology/china-leads-us-global-competition-key-emerging-technology-study-says-2023-03-02/>.

² Совокупные мировые военные расходы в 2022 году достигли \$2,24 трлн // ТАСС, 24.04.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17589453>.

Рассматривая вопрос с позиции противостояния США с двух направлений, военной мощи – Россия и экономической – Китай, и принимая во внимания тот факт, что США являются страной-членом НАТО, то очевидной на данном этапе становится повестка о создании Россией и Китаем оборонительного союза. Помимо национального подхода Китая к внешней политике с позиции невмешательства, другим фактором, ограничивающим формирования данной коалиции, является очевидная взаимозависимость Китая и США.

Взаимозависимость двух стран, схематично показанная на рисунке 3, с одной стороны, обеспечивает динамическую стабильность двусторонних отношений и не дает конфронтации перерасти в открытое военное столкновение, с другой стороны, мешает Китаю говорить с США «на равных» и не отвечать на санкции оппонента встречными санкциями, а первыми предпринимать более активные действия, отходя от принципа «наилучшая тактика – не вступать в сражение». Кроме того, как в России, так и в Китае имеется немало сторонников глобализма и прозападного режима из числа крупных бизнесменов и политиков, защищающих и продвигающих, прежде всего, свои финансовые интересы в США. К примеру, в марте 2023 г. крупнейшие новостные агентства обнародовали информацию о получении семьей Байдена от китайской компании из Шанхая более 1 млн долл.. Что только подтверждает мысль А.С. Манькина о том, что одной из главных угроз стабильности в современном мире является элита, страновая или глобальная, дестабилизирующая ситуацию в стране или в целом регионе для получения выгод [Манькин 2009: 509]. А в случае обсуждения перспективы создания военного союза между Россией и Китаем высока вероятность того, что этими силами для «объединения» двух стран будут создаваться преграды политического, экономического, дипломатического и другого характера.

Таким образом, в настоящее время международная стабильность является труднодетерминированным явлением,

которое, однако, имеет различные трактовки. При этом сложность современного мироустройства, значительная интеграция национальных государств, относительно высокая численность населения, большой накопленный совокупный военный потенциал и многосубъектность системы формирования («международной стабильности») не позволяют однозначно определить состояние, динамизм которой увеличивается. В итоге, возникает ситуация, когда научные исследования могут отставать от действительности и ближайшей перспективы, т.е. описывать события прошлых лет или же использовать адекватные в прошлые периоды модели к сегодняшним реалиям и построению картины будущего, где модель уже не соответствует. Таким образом, определенное событие или состояние пытаются «поместить» в определенные рамки, однако в этой ситуации, предположительно, результаты научных изысканий не вполне будут соответствовать действительности.

Тенденции трансформации международной системы и соответствующего понятийного аппарата.

Результаты анализа показали, в своей эволюции терминология прошла ряд периодов, но в настоящее время масштабной перестройки мировой системы, когда будущее детерминируется только как вероятностные сценарии развития с относительно невысокой степенью, потребность в модернизации определения (понятийного аппарата) не просто назрела, а нуждается в разработке на перспективу. Не исключением является и термин «стабильность», которому необходимо «подстраиваться» под изменения, происходящие в мировой системе, учитывая новые общественные вызовы и угрозы, влияющие на миропорядок. Это связано как с крупными субъектами мировой системы, так и с перспективой жизни каждого жителя планеты. Так, А.Ю. Школьников указывает, что «высокая специализация очень выгодна в условиях стабильности, но крайне опасна в эпоху перемен» [Школьников 2020]. А.И. Фурсов отмечает, что определенные круги предполагают в будущем разделение

населения планеты на две группы по биологическому принципу в зависимости от среды обитания, рациона питания и длительности жизни¹. Это может привести к прямым столкновениям за среду обитания.

С позиции антропологического подхода к изучению социальных процессов Э. Тодд указывает, что никогда еще человеческие общества таких размеров не были настолько богатыми, старыми, образованными и настолько лишенными коллективных верований. При этом поясняет, что мы можем предвосхитить некоторые элементы будущего, имеющие отношение, например, к семейным структурам, закату религиозных верований, возврату к экономическому протекционизму и появлению зон анархии [Тодд 21: 36].

По мнению М.Г. Делягина, в настоящее время происходят два процесса: завершение периода глобализации и переход к следующему циклу мирового развития, заключающегося в разделении единого мирового рынка на макрорегионы [Делягин 2020: 5-8]. Вполне вероятно, что данные макрорегионы будут взаимодействовать с позиции соперничества и конфронтации. В свою очередь, М.М. Шумилов в своей работе говорит о том, что экономический кризис 2008-2009 гг. положил конец восходящему тренду глобализации [Шумилов 2022: 19-34].

А.Ю. Школьников на заседании круглого стола в пресс-центре издательского дома «Аргументы и факты» «Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 г. для России» отметил, что «мир распадается на панрегионы; но не менее интересно, каких сценариев мы уже смогли избежать. Сценарий сохранения глобального мира, построенного на праволиберальных мыслях, практически закрылся. Последние попытки Китая в 2018 г. построить «один пояс, один путь», насколько можно судить, закончились неудачей» [Делягин 2019: 5-13].

Как видно, прогнозы развития международного положения достаточно разнообразны, причем вероятностный характер, сложность подсистем и турбулентность процессов не позволяют сделать окончательный выбор. Это осложняет вопрос о формировании адекватного понятийного аппарата для международного состояния в будущем, но при этом указывает на необходимость его создания. Схожую точку зрения обозначил Ф.Н. Салимов. Указывая на междисциплинарность науки о международных отношениях и ее медиацию, выражающуюся в переосмыслении процессов взаимодействия между государствами через призму разных областей знаний (не только политологии, но и социологии, истории, антропологии, культуры, экономики и т.д.), исследователь предлагает рассматривать стабильность в связке «человек-общество», «человек-природа», «общество-природа» и т.д. с перспективой выделения новых типов стабильности [Салимов 2010: 6].

В настоящее время достаточно сложно, а порой, невозможно очертить институциональные системы обеспечения стабильности. При этом можно предположить, что динамизм как одно из ключевых свойств состояния международной стабильности, сохранится. Однако параметры, уровни, а тем более методики расчета трудно детерминированы. Одна из возможностей, это определение наиболее вероятных прогнозов, их анализ и подготовка соответствующего понятийного аппарата, чтобы лица, принимающие решения, имели объективную и адекватную картину мира и его регионов, тенденций их развития и возможности трансформации.

Выводы. Современная картина мира и конфигурация мировой системы значительно отличаются от ситуации еще нескольких десятков лет назад: сменяются исторические периоды, повышается вовлеченность акторов международных отношений в межгосударственные противоречия, появляются новые угрозы глобального масштаба. Что в свою очередь влияет на состояние мировой системы,

¹ Фурсов А.И. Андрей Фурсов: смогут ли ультраглобалисты навязать миру новый мировой порядок? // Business-gazeta, 08.08.2021. URL: <http://https://www.business-gazeta.ru/article/518372>.

находящейся в постоянном движении с целью компенсации последствий вызовов и самосохранения. Динамизм трансформаций не позволяет получить точное (с высокой вероятностью) описание текущей ситуации, хотя элементы управляемости наблюдаются даже невооруженным взглядом. Однако перспективы развития международной системы различными исследователями рассматриваются по-разному, при этом большинство сходится во мнении ее

существенной трансформации и переустройства с учетом различных факторов жизнедеятельности человека. В этой ситуации понятийный аппарат теории международных отношений подлежит соответствующему развитию, в частности, необходимо переосмысление понятия стабильность с целью обеспечения адекватности описываемых состояний мировой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.Д.* Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. М.: МОНФ; ИСКРАН, 1996. 246 с.
- Деягин М.Г.* Проектность как новое свойство истории // Свободная мысль, 2020. №3 (1681). С.5-8.
- Деягин М.Г., Лукьянов Ф.А., Марков С.А., Школьников А.Ю., Хазин М.Л.* Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 года для России // Свободная мысль. 2019. №1 (1673). С.5-13.
- Кокошин А.А.* Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С.7-21.
- Манькин А.С.* Основы общей теории международных отношений : учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 589 с.
- Салимов Ф.Н.* Понятие стабильность в науке о международных отношениях // Вестник таджикского национального университета. 2010. №1(57). С.3-6.
- Тренин Д.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблшер, 2021. 471 с.
- Тодд Э.* Куда мы идем? История развития человечества глазами антрополога / Перед с франц. – М.: Эксмо, 2021. 512 с.
- Школьников А.Ю.* Национальные стратегии: геостратегический взгляд на будущее мира и России. – СПб.: Corvus, 2020. 544 с.
- Шумилов М.М.* «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений (часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. №4 (160). С.19-34
- Gaddis J.L.* The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System. *International Security*, vol. 10, no. 4, 1986, pp. 99-142.
- Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War. *The Journal of Interdisciplinary History*, vol. 18, no. 4, 1988, pp. 591-613.
- Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 312 p.

REFERENCES

- Bogaturov A.D.* Sovremennye teorii stabil'nosti i mezhdunarodnye otnosheniya Rossii v Vostochnoj Azii v 1970-90-e gg. M.: MONF; ISKRAN, 1996. 246 s.
- Delyagin M.G.* Proektnost' kak novoe svojstvo istorii // Svobodnaya mysl', 2020. №3 (1681). S.5-8.
- Delyagin M.G., Luk'yanov F.A., Markov S.A., SHkol'nikov A.YU., Hazin M.L.* Strategicheskie itogi 2018-go i perspektivy 2019 goda dlya Rossii // Svobodnaya mysl'. 2019. №1 (1673). S.5-13
- Kokoshin A.A.* Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyah kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoj obstanovki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. №4. S.7-21.
- Manykin A.S.* Osnovy obshchej teorii mezhdunarodnyh otnoshenij : uchebnoe posobie / Pod red. A.S. Manykina. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2009. 589 s.

- Salimov F.N.* Ponyatie stabil'nost' v nauke o mezhdunarodnyh otnosheniyah // Vestnik tadjhikskogo nacional'nogo universiteta. 2010. №1(57). S.3-6.
- Trenin D.* Novyj balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya. – M.: Al'pina Pabliher, 2021. 471 s.
- Todd E.* Kuda my idem? Istoriya razvitiya chelovechestva glazami antropologa / Pered s franc. – M.: Eksmo, 2021. 512 s.
- Shkol'nikov A.Yu.* Nacional'nye strategii: geostrategicheskij vzglyad na budushchee mira i Rossii. – SPb.: Corvus, 2020. 544 s.
- Shumilov M.M.* «Torgovaya vojna» SSHA i KNR v kontekste deglobalizacii i reideologizacii mezhdunarodnyh otnoshenij (chast' 1) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. №4 (160). S.19-34
- Gaddis J.L.* The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System. International Security, vol. 10, no. 4, 1986, pp. 99-142.
- Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War. The Journal of Interdisciplinary History, vol. 18, no. 4, 1988, pp. 591-613. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/204816>. (дата обращения 21 мая 2023).
- Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 312 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица 1

Сопоставление моделей стабильности в международных отношениях Comparison of stability models in international relations⁸

| | Статическая | Динамическая |
|----------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------|
| Исторический период | Вторая половина XX века (1945-1991 гг.) | С 1991 г. |
| Состояние мировой системы | Не меняется, присутствует силовое равновесие и сферы влияния | Трансформируется, в т.ч. под влиянием нового вида угроз международного масштаба |
| Конфигурация мировой системы | Доминирование одной из конфигураций: однополярной, биполярной, многополярной | Изменение конфигурации (полюсности) |
| Отношение к межгосударственным противоречиям | Изоляция конфликтных устремлений | Взаимодействие конфликтных устремлений и их уравнивание общими интересами (взаимозависимость) |
| Реакция на событийность в мировой системе | Смена типа стабильности: гегемонической, конфронтационной, стратегической | Адаптация к изменениям, гашение колебаний, вызванных дестабилизирующими факторами |

⁸ Составлено автором.

Рисунок 1

**Финансирование Китаем НИОКР и интенсивность вложений в 2016–2022 гг.
China's R&D expenditure and investment intensity in 2016–2022⁹**



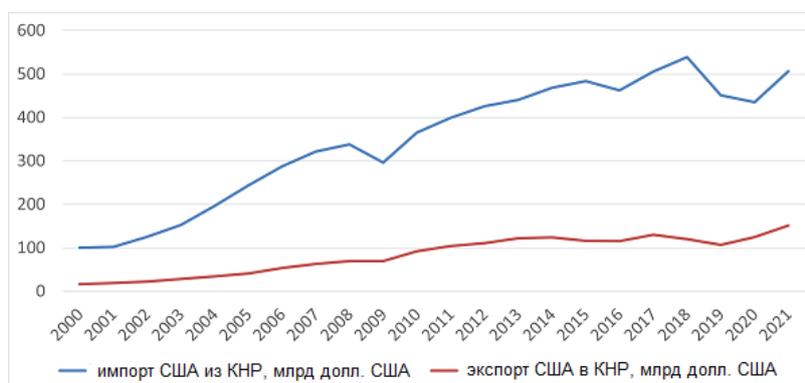
Рисунок 2

**Позиции стран по отношению к России в контексте событий на Украине
Countries' positions on the Russia-Ukraine conflict¹⁰**



Рисунок 3

**Китайско-американская двусторонняя торговля, 2000–2021
China-US bilateral trade, 2000–2021¹¹**



⁹ Официальный сайт Информационного бюро Госсовета КНР URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/jjxwfyf/wz/document/1735817/1735817.htm>

¹⁰ Fleck A. Where countries stand on Russia. Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/29915/global-stance-on-russia>

¹¹ Институт развивающихся стран при Министерстве экономики, торговли и промышленности Японии URL: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2022/ian_coxhead.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Букреева Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры
международных отношений и
государственного управления, Юго-
Западный государственный университет.
Курск, Россия. (E-mail:
bukreeva@gmail.com).

Tatiana N. Bukreeva, Senior Lecturer of the
Department of International Relations and
Public Administration, Southwest State
University. Kursk, Russia. (E-mail:
bukreeva@gmail.com).